

Валерий Дорожкин

Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Института подготовки кадров государственной службы занятости Украины (Киев), преподаватель Института последипломного образования КНУ им. Т.Г. Шевченка, сертифицированный лидер балинтовских групп, член Дивизиона «Психоаналитическая психология и психотерапия»

ГС «Национальная психологическая ассоциация»

<https://orcid.org/0000-0001-7755-1343>

ПОДРАМНИК И ПОЛОТНО ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ОНЛАЙН

Когда я думаю, чем отличается онлайн психотерапевтическая работа от оффлайн, то самое главное отличие для меня в том, что появляется третий участник процесса. И этот участник проявляет себя не только в качестве Субъекта, но и Господина.

Он может позволять или не позволять что-то делать, он режет тела терапевта и клиента, оставляет от них только куски: в основном голову и плечи, но еще руки или фрагменты туловища.

Этот третий Субъект может прерваться и прервать сессию. И это не зависит от желания или нежелания двух других участников терапевтического процесса: аналитика и клиента. Третий Субъект создает специфические условия, выступает таким вместилищем, которое обладает целым рядом новых свойств.

Так, *он в состоянии соединять несоединимое.*

Например, вполне способен законнектировать комнату и салон машины, залу в заснеженном Киеве и солнечный пляж в Сан-Диего, полдень долготы нашего часового пояса и сумерки в Австралии или Сингапуре; или, наоборот, сумрачный вечер в Киеве, когда мы пьем чай, кутаем ноги в плед и утро в Лос-Анжелесе, где солнечные блики пляшут в стакане воды.

Топос третьего Субъекта особенный. *Временной параметр здесь доминирует над пространственным*. Нам нужно всего 5 секунд, чтобы со всем своим кабинетом переместиться к клиенту в любую точку Земного шара, и у нас есть 50 минут или час, чтобы с ним пообщаться.

Но, самое главное, мы зависим от этого Субъекта. Мы - как терапевтическая пара или группа - платим ему деньги (за Wi-Fi, интернет или платные сервисы). И мы, я уже имею ввиду, нас - психотерапевтов, делимся с этим третьим субъектом властью, влиянием, разделяем с ним конфиденциальность, надеемся на его надежность в сохранении рамки сеттинга (на которую он, безусловно, также влияет), перекладываем на него ответственность в случае отдельных нарушений этой рамки и обвиняем, когда этот третий неожиданно начинает перезагружаться, или «пропадает связь».

У этого третьего Субъекта много имен.

Мы говорим Skype, Zoom, Telegram, Messenger, Signal, WhatsApp, Viber или WeChat. Есть и другие названия. Огромное количество именований, и все они ненастоящие. А настоящее его имя нельзя произносить. Потому что это имя раскрывает суть Господина - Большого другого в лакановском смысле этого понятия.

Так вот: суть его в том, что этот третий не просто выступает в отдельной позиции по отношению к нам - участникам процесса, но именно он выделяет места для наших позиций в своем поле. И потому его пространство является не только топосом, но, в некотором смысле, лоном. А почему лоном? А потому что, только лоно способно исторгать.

Мы говорим.

«Я сейчас в Skype». Безусловно, не я, но мое внимание, умения, контрпереносные реакции, чувства, ментализация, эмпатия, рефлексия и, в некотором смысле, даже часть моего тела.

«Я уже зашел в Skype».

«А меня только что выкинуло из Skype».
«Попробуйте выйти и зайти в Messenger снова».
«Сейчас открою вам Zoom-кабинет».
«Создайте, пожалуйста, еще одну комнату».
«Связь разорвало, и меня выбросило».

Во всех этих фразах речь идет о вместилище, которое то принимает нас и удерживает, а то принудительно исторгает. Наша традиционная реальность не создает нам такой опыт в повседневности. Но один раз он у нас уже был.

Иногда кажется, что возможности очередного коммуника-тора - это и наши возможности, и их можно присвоить. Но это не совсем так. Достаточно вспомнить тот стресс и фрустра-цию, которые мы испытываем, когда нас «выкидывает» из со-единения. И мы сразу в этом убедимся.

Мы говорим:

«Меня Skype не пускает».
«Telegram не позволяет мне».
«WhatsApp не дает».

И, в тоже время, мы помним слова М.Хайдеггера о том, что язык - это дом Бытия.

Я хорошо понимаю, в связи с чем ряд терапевтов не хотят работать онлайн. Ведь онлайн не только приходится делить-ся властью, но и становиться зависимым. Зависимым от тре-тьего, который еще и проявлен в отношении нас своей роди-тельской функцией: пускает или не пускает; позволяет или не позволяет; дает или не дает.

Да и встреча с родительской функцией происходит не на нашей территории, и даже не на нейтральной полосе. Мы находимся в топосе третьего Субъекта. И играем по его пра-вилам.

Таким правилам, где время важнее пространства, где соеди-нены кабинет терапевта и территория клиента. Где наша власть утрачивает свою силу, без его гарантий, и где присутствует

третий, который самым своим наличием обеспечивает возможность нашей терапевтической коммуникации. И хоть клиент попадает в наше пространство, но и мы оказываемся у него в гостях, в том мире и условиях, где клиент обитает. И мы уже не можем игнорировать реальную среду клиентского мира. И в этом тоже состоит отличие онлайн психотерапии.

Онлайн анализ - это специфическая игра. В этой игре мы всегда под надзором. Даже тогда, когда мы про это забываем или не чувствуем.

Раньше мы говорили:

«У стен есть уши». Еще перед этим: «У стен есть глаза».

А есть ли уши и глаза у онлайн-кабинета? Вопрос риторический.

Я не имею намерения индуцировать паранойю, но я говорю про надзор со стороны Большого Другого. Про его присутствие в качестве третьего, когда мы, хоть и остаемся для него анонимными, но становимся содержанием Big Data.

И я хорошо понимаю, в связи с чем ряд терапевтов не хотят работать онлайн. Им претит делиться властью с новым Господином нашего времени; и они не соглашаются быть на фоне или в присутствии третьего - того, кого не приглашали, но без которого невозможен процесс онлайн-терапии.

И если Messenger - это, в переводе с английского, «посланник» или «вестник», то самым именем он подает нам сигнал, что слово терапевта дано на его территории, а, следовательно, гарантии этого слова ограничены его волей. Или того, кто стоит за ним.

Наконец, вернусь к названию сообщения, к подрамнику. Подрамник - это то, что скрыто, но именно на него натянут холст. Может казаться, что в онлайн-анализе каркасом выступают все Субъекты. Но, с большей вероятностью, каркасом является только один из них, а другие - терапевт и клиент - лишь игроки на предоставляемом в аренду игровом поле.

И, что самое поразительное, терапевт и клиент играют на этом поле не только друг с другом, но, в другое время, с целым рядом иных людей - друзей, родственников, знакомых, которые удалены от нас, и для общения с которыми также необходимы Skype, Zoom, Telegram, Messenger, Signal, WhatsApp, Viber или WeChat. А это означает, что пространство третьего Субъекта перенагружено ассоциациями из других сфер отношений.

И в заключении скажу, что для меня онлайн психотерапия более экзистенциальна. Экзистенциальна потому, что она обостряет вопрошание о самой реальности онлайн отношений. И хотя я помню, что коммуникация в терапии во многом задана переизданием раннего и повторением, но теперь сама возможность душевной близости подвешивается в качестве вопроса. И этот вопрос с новой силой ставит под сомнение понятие реальности.